

УДК 811.511.131'27

*Л.Л. Карпова***О НЕКОТОРЫХ ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТАХ КОНСОНАНТИЗМА ДИАЛЕКТОВ СЕВЕРНОГО НАРЕЧИЯ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается ряд явлений фонетической синтагматики в северных диалектах удмуртского языка. Преимущественное внимание уделяется особенностям, которые являются свойственными отдельным северно-удмуртским диалектам и/или имеют ограниченное распространение в группе говоров исследуемых диалектов. Рассматриваются характерные явления в системе консонантизма, анализируются наиболее типичные для говоров звуковые изменения и процессы. Из фонетических особенностей отмечены озвончение, палатализация, различные виды ассимилятивных явлений согласных, выпадение звуков, аффрикатизация и др. Также выявляется территориальная распространенность диалектных модификаций фонетической синтагматики. Проводится последовательное сравнение языковых фактов северноудмуртских диалектов с аналогичными явлениями в других удмуртских говорах. Приведенные данные показывают, что по ведущим фонетическим чертам в области консонантизма наибольшее сходство проявляют среднечепецкий и нижнечепецкий диалекты.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектная фонетика, северные диалекты, фонетическая синтагматика, согласные, диалектные модификации.

0. В удмуртской диалектологии, несмотря на достигнутые бесспорные успехи в изучении диалектов и наличие достаточного количества публикаций, большинство диалектов обстоятельно не исследовано. К таким относится северноудмуртский языковой ареал, диалектный континуум которого описан фрагментарно. Диалекты северного наречия не исследованы в полном объеме, не выработано целостное представление об их формировании, подтвержденное научными свидетельствами, отсутствует комплексное описание фонетической системы и морфологического строя значительной части говоров ареала. На данный момент из трех диалектов, образующих северноудмуртское наречие (нижнечепецкий, среднечепецкий и верхнечепецкий), наиболее полно исследован среднечепецкий диалект, языковая специфика которого получила освещение в трех монографиях автора [10-12]. Верхнечепецкий и нижнечепецкий диалекты описаны фрагментарно: в опубликованных работах преимущественно раскрываются частные вопросы отдельных диалектных микросистем.

Предметом настоящего исследования является описание фонетических явлений в области консонантизма северноудмуртских диалектов с выявлением специфики каждого из них по отношению друг к другу и к остальным микросистемам удмуртского диалектного языка. Основным источником исследования послужили материалы, собранные автором во время многочисленных экспедиций к северным удмуртам.

1. Консонантная система северноудмуртских диалектов представлена 31 фонемой: *б, в, г, д, д', ж, ль, з, з', э, й, к, л, л', м, н, н', п, р, с, с', т, т', ү, ф, х, ц, ч, и, ш, щ*. В северном языковом ареале согласный *ү* фонемную функцию сохранил лишь в среднечепецком и нижнечепецком диалектах. Согласные *ф, х, ц, щ* в абсолютном большинстве случаев встречаются в словах, заимствованных из русского языка. В настоящее время в речи носителей северных диалектов эти фонемы начинают приобретать больший вес. Но сфера их функционирования, как правило, ограничивается в основном только новейшими заимствованиями, и в связи с этим выступление их в качестве фонетических единиц отмечается в сравнительно незначительной части словарного состава исследуемого диалекта: сев. *фонар* < рус. *фонарь*, сев. *кофта* < рус. *кофта*, сев. *афтобус* < рус. *автобус*, сев. *халат* < рус. *халат*, сев. *шахта* < рус. *шахта*, сев. *кухн'а* < рус. *кухня*, сев. *цэмэнт* < рус. *цемент*, сев. *офицэр* < рус. *офицер*, сев. *щцотка* < рус. *щетка*, сев. *плаиц* < рус. *плащ*.

Во время экспедиций к среднечепецким удмуртам в середине 80-х гг. XX в. в речи единичных представителей пожилого возраста с. Дёбы Красногорского р-на и д. Чурашур Юкаменского р-на нам удалось еще зафиксировать употребление древнего заднеязычного носового *η* в следующих двух словах: Дёб. *жиңгэртэ* 'звенит', Чур. *иана* 'галка'. Следует отметить, что общепермский **η* в северноудмуртских диалектах, как и во многих удмуртских говорах, заменился согласными *н, н', м*. В текстах образцов удмуртской речи Ю. Вихманна и Б. Мункачи по «глазовскому диалекту», зафиксированных в конце XIX и начале XX вв., согласный *η* встречается в следующих словах: *puñiskil' l'am* [33. С. 174]

‘они встретились’, *zùŋùz* [33. С. 175] ‘(его) запах’, *zùŋ-kuʒazù* [33. С. 175] ‘по (их) запаху’, *tenka'ez* [35. С. 89] ‘(его) деньги’, *donjom* [35. С. 50] ‘толкнем’, *dongaško* [35. С. 134] ‘толкаются’, *jarmanqaje* [35. С. 175] ‘на ярмарку’. Эти данные свидетельствуют о том, что в тот период заднеязычный носовой *ŋ* в речи «глазовских» удмуртов был еще употребителен и, вероятно, представлял еще отдельную фонему. В настоящее время в качестве фонемы он сохранился в основном в южном наречии, но частотность его не во всех диалектах одинакова [18. С. 82]. Из периферийно-южного диалекта активное его употребление отмечается в кукморском [14. С. 9], буйско-таныпском [24. С. 12], бавлинском [30. С. 10] и красноуфимском [25. С. 93] говорах. В меньшей степени *ŋ* встречается в собственно южных говорах, в частности, он зафиксирован исследователями в кырымасских [15. С. 35-36], граховских [3. С. 50; 4. С. 170], алашских [9. С. 126], среднеюринском [2. С. 5] говорах.

Абсолютное большинство согласных в диалектах северного наречия произносится одинаково и по артикуляции не отличается от соответствующих фонем удмуртского литературного языка. Некоторая специфика в произношении отдельных согласных наблюдается в говорах нижнечепецкого диалекта. В частности, в косинском говоре общеудмуртские палатальные щелевые согласные *з'* и *с'* нередко имеют палатализованное (свистящее) произношение (*з''* и *с''*): *с''из''ыл* ‘осень; осенью’, *биз''ыны* ‘течь, бежать, вытекать; выходить замуж’, *виз''мо* ‘умный’, *гурэз''* ‘гора’, *с''ас''ка* ‘цветок’, *с''улэм* ‘сердце’, *с''оччаны* ‘давать, отдавать’. Палатализованное произношение указанных согласных известно в красноуфимском говоре периферийно-южного диалекта [25. С. 93, 95, 98], также в говорах дд. Малый Гозек и Салья Кильмезского р-на Кировской области [19. С. 26]. Поскольку звуки *з''* и *с''* в косинском говоре не имеют такого сильно выраженного свистящего произношения, которое свойственно красноуфимскому говору, и употребляются менее последовательно, в дальнейшем в работе мы не будем обозначать их особо.

Для речи отдельных носителей косинского говора характерным является свистящее (палатализованное) произношение общеудмуртских аффрикат *ч* (> *ч'*) и *ж* (> *ж''*), причем аффриката *ч* очень близка к русской диалектной мягкой аффрикате *ч'*: *ж''эч'* ‘хороший; хорошо’, *ж''иц''ы* ‘лиса’, *ж''оз* ‘кузнечик’, *ж''уц'* ‘русский’. Это явление также отмечено исследователями в говоре д. Малый Гозек Кильмезского р-на Кировской области [19. С. 25]. Данные особенности (свистящее произношение согласных *з'*, *с'*, также аффрикат *ч*, *ж*) в косинском говоре возникли под влиянием местных русских говоров, с носителями которых косинские удмурты издавна находятся в тесных и постоянных контактах. Палатализованное произношение указанных звуков в косинском говоре имеет нерегулярный характер, в связи с чем в нашей работе они отдельно не обозначаются.

Особенностью системы консонантизма среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов, в отличие от верхнечепецких говоров, является сохранение в их консонантной системе общепермского анлаутного согласного **&* перед гласным *а* в определенном круге слов¹: сч. нч. *йачэ* ‘двое; вдвоем, на пару’; сч. нч. *йал'эс* ‘постель’; сч. нч. *йамэнэс* ‘упрямый’; сч. нч. *йан'* ‘есть, имеется’; сч. нч. *йатыны* ‘спрятать; похоронить’; сч. нч. *йал'л'ала* ‘старинный, древний’; сч. нч. *йарс'* ‘сусло’; сч. нч. *йаз'нал* ‘позавчера’ и т. д. В данной позиции согласный *й* вступает в оппозицию с фонемой *в*-, что подтверждает его фонематичность в указанных диалектах. Так, в косинском говоре нижнечепецкого диалекта отчетливое противопоставление согласных *й* : *в* производится в словесной паре *йаз'* ‘рано’ и *ваз'* ‘полба’. Судя по сведениям, полученным от С.А. Максимова, четкое различие фонем *й* и *в* в словесной паре *йатсаз* ‘напротив его’ : *ватсаз* ‘он(а) добавил(а)’ осуществляется носителями говора д. Дондыкар Глазовского р-на, относящегося к глазовскому говору. Всё это свидетельствует о том, что согласный *й* в указанных говорах представляет собой вполне самостоятельную фонему, хотя и достаточно слабую (реализуется в строго ограниченной позиции и обладает низкой частотностью).

Инициальный неслоговой *й*- в сочетании *йа* исследователи возводят к прапермскому **&*- [34. С. 63-70; 20. С. 24], который в дальнейшем в разных диалектах удмуртского и коми языков претерпел изменения и реализовался в различные звуки. В большинстве удмуртских диалектов общепермский **&*- заместился согласным *в*-, сохранившись лишь в отдельных говорах периферийно-южного диалекта [29. С. 78; 24. С. 11-12; 18. С. 85] и бесермянском наречии [32. С. 119; 21. С. 55-58].

¹ В настоящее время в удмуртском языке, как отмечает В.К. Кельмаков [17. С. 56], с анлаутным *й* известно 30 корней, каждый из которых имеет ряд производных и способен выступать в различных косвенных формах и в составе разных (слово)сочетаний.

Частотность употребления анлаутного *ʝ*- в речи различных возрастных групп среднечепецких и нижнечепецких удмуртов не одинакова: он более последовательно отмечается в речи диалектоносителей старшего поколения, в речи молодежи встречается очень редко и заменяется губно-зубным *в*-.

2. Фонетические явления в области согласных

2.1. Озвончение

В среднечепецком и нижнечепецком диалектах наблюдается озвончение глухих согласных перед согласным *в*: сч. нч. *лызв*у (< *лысву*) 'роса'; сч. вч. *даз вит'* (< *дас вит'*) 'пятнадцать'; сч. нч. *мад'вэй* (< *Матвей*) 'Матвей'; сч. нч. *тулыз ву* (< *тулыс ву*) 'половодье, разлив'; сч. нч. *жӱг вылын* (< *жӱк вылын*) 'на столе'; сч. нч. *с'урэз вожын* (< *с'урэс вожын*) 'на развилке дорог; на перекрестке'; сч. нч. *пӱз' ву* (< *пӱс' ву*) 'горячая вода'; сч. нч. *шуныд ву* (< *шунит ву*) 'теплая вода' и т. д. Данное явление в северноудмуртских говорах в свое время было отмечено В.М. Вахрушевым [8. С. 233]. Как показывают материалы исследований последних лет, в ареале северного наречия данный процесс не отмечается в верхнечепецких говорах. Озвончение глухих согласных перед *в* широко распространено в соседнем бесермянском наречии [32. С. 151-153; 21. С. 67].

В среднечепецком и нижнечепецком диалектах зафиксированы единичные примеры озвончения первичных глухих согласных в интервокальном положении и в соседстве с сонорными: сч. нч.: сл. *тага* (< *така*) 'баран'; сч. нч.: сл. *грэчуга*, сч. *грэчига* (< рус. *гречиха*) 'гречиха'; сч. нч.: сл. *долганы*: *пин'* *долгаз* (< *пин'* *долгаз*) 'набил оскомину'; сч. нч. *тарганы* (< *тарканы*) 'спутать, запутать, перепутать, смешать'; сч. нч.: кос. *чэрн'ига* (< рус. *черника*) 'черника'; сч. *брусн'и-га* (< рус. *брусника*) 'брусника'. В верхнечепецких говорах данное фонетическое явление не отмечается. Оно наблюдается в языке бесермян [32. С. 153-154; 21. С. 67], в бавлинском [28. С. 139] и закамских говорах, относящихся также к удмуртским диалектам [23. С. 66-67]. Т.И. Тепляшина [32. С. 155], указывая на наличие аналогичного процесса озвончения этимологических глухих согласных в татарском, башкирском и чувашском языках, возводит это явление в языке бесермян к древнебулгарскому субстратному наследию. Несколько другой точки зрения по данному вопросу придерживается В.К. Кельмаков. Он полагает, что «в свете данных периферийно-южных диалектов рассматриваемое фонетическое явление в языке бесермян, как и в бавлинском, кукморском диалектах и закамских говорах, должно быть объяснено как результат позднего самостоятельного развития под непосредственным влиянием соответствующих диалектов татарского языка» [16. С. 117-118]. С.А. Максимов, рассматривая переход глухого *к* в звонкий *г* в компоненте *тага*, выступающем в структурах удмуртских названий козла *кэчтага*, *кӱакэчтага*, *казатага*, считает, что он мог возникнуть под влиянием языка чувашей, некогда проживавших на нижней Чепце [22, С. 187]. Не исключено, что в словах *чэрн'ига*, *брусн'и-га* появление звонкого согласного *г* связано с влиянием местных русских говоров.

В северноудмуртских диалектах источником для развития явлений соноризации, по справедливому замечанию Т.И. Тепляшиной, могло послужить влияние языка бесермян [32. С. 153]. Материалы по среднечепецкому и нижнечепецкому диалектам выступают также в пользу данного предположения: озвончение этимологических глухих согласных перед *в* более последовательно обнаруживается в тех говорах, носители которых живут в ареале прошлого и нынешнего более плотного расселения бесермян.

2.2. Палатализация

Для среднечепецкого и нижнечепецкого диалектов характерным является палатализация согласного *т* перед переднерядным *и*. Данное явление регулярно происходит в показателе пролатива, суффиксе *-эт'и* порядковых числительных и некоторых наречиях и наречных словах: сч. нч. *азбарыт'и* 'по двору'; сч. *ул'ча(ы)т'и*, нч. *ул'ча(э)т'и* 'по улице'; сч. нч. *вит'э-т'и* 'пятый'; сч. нч. *т'амысэ-т'и* 'восьмой'; сч. нч. *от'* (~ *от'и*) 'там; по тому месту'; сч. нч. *там'* (~ *там'и*) 'здесь; по этому месту'. В андрейшурском кусте бalezинского говора (юго-восточная часть Бalezинского р-на) среднечепецкого диалекта, территориально смежном с верхнечепецкими говорами, в данном случае палатализация *т*, как правило, не наблюдается.

Отметим, что смягчение *т* в указанных позициях имеет широкое распространение в бесермянском наречии [32. С. 79-81, 165; 21. С. 78, 108-109].

В верхнечепецких говорах палатализация согласного в указанных случаях не отмечается. Вполне допустимо, что нижнечепецкие и среднечепецкие говоры эту особенность приобрели от языка бесермян.

2.3. Ассимиляция

В северноудмуртских диалектах наблюдается явление ассимиляции согласных нескольких видов: по палатальности, по глухости и звонкости.

2.3.1. Ассимиляция по палатальности

В среднечепецком и нижнечепецком диалектах имеет место явление ассимиляции *й* суффиксального слога в позиции перед согласными *н, н', л, л', д, д', т, т', с', з'*. Такой ассимиляции подвергаются:

1) инициальный *й* суффикса мн. числа существительных *-йос*: сч. нч. *вэн'н'ос* (< *вэн'йос*) 'иголки'; сч. нч. *кин'н'ос* (< *кин'йос*) 'кто (мн. число)'; сч. нч. *пэл'л'ос* (< *пэл'йос*) 'уши'; сч. нч. *вал'л'ос* (< *вал'йос*) 'лошади'; сч. нч. *гад'д'ос* (< *гад'йос*) 'грудь'; сч. нч. *пыд'д'ос* (< *пыд'йос*) 'ноги'; сч. нч. *пэрэс'с'ос* (< *пэрэс'йос*) 'старика; старые люди';

2) глагольный суффикс *й*: сч. нч. *лут'т'аны* (< *лут'йань*) 'поднимать'; сч. нч. *ин'н'аны* (< *ин'йаны*) 'положить начало'; сч. нч. *өд'д'аны* (< *өд'йаны*) 'надумать; намереваться'; сч. нч. *лыд'д'аны* (< *лыд'йаны*) 'считать';

3) согласный *й* в русских заимствованиях: сч. нч. *фамил'л'а* (< *фамил'ийа*) 'фамилия'; сч. нч. *суд'д'а* (< *суд'йа*) 'судья'; сч. нч. *варэн'н'а* (< *варэн'йэ*) 'варенье'; сч. нч. *лат'т'а* (< *лат'йэ*) 'платье'; сч. нч. *собран'н'а* (< *собран'йэ*) 'собрание'; сч. нч. *жалован'н'а* (< *жалован'йэ* < рус. *жалованье*) 'жалованье'.

При сочетании твердого согласного с последующим *й* наблюдается явление двойной (прогрессивно-регрессивной) ассимиляции: сначала происходит смягчение согласным *й* предыдущего согласного, а затем – уподобление мягким согласным последующего *й*: сч. нч. *кал'л'ос* (< *кал'йос* < *кал'йос*) 'завязки; шнурки'; сч. нч. *с'ин'н'ос* (< *с'ин'йос* < *с'ин'йос*) 'глаза'; сч. нч. *пыд'д'ос* (< *пыд'йос* < *пыд'йос*) 'ноги'; сч. нч. *тол'л'а* (< *тол'йа* < *тол'йа*) 'по зиме'.

В верхнечепецких говорах, как отмечает в одной из своих работ А.А. Алашеева [1. С. 10], ассимиляция *й* в указанных случаях не наблюдается. Однако во время экспедиций к кезским удмуртам в 2003–2009 гг. практически во всех обследованных говорах нами зафиксированы примеры ассимилятивных изменений, происходящих в русских заимствованиях: *лат'т'а* (< *лат'йэ*) 'платье', *л'ин'н'а* (< *л'ин'ийа*) 'линия', *пэчэн'н'а* (< *пэчэн'йэ*) 'печенье', *ил'л'а* (< *ил'йа*) 'Илья'. В отдельных населенных пунктах, территориально отдаленных друг от друга, в частности, в дд. Фокай, Уди, Юрук, Удмурт Зызыгор, в селах Полом, Кабалуд, выявлены также единичные примеры, когда ассимилятивные процессы отмечаются и в словах исконного происхождения, а также в заимствованиях из других языков: Уд. Юр. *йэгит'т'ос* (< *йэгит'йос*) 'парни; молодежь'; Пол. Уд. Фок. Юр. *өд'д'аны* (< *өд'йаны*) 'надумать, затеять'; Уд. УЗяз. *лыд'д'ас'кыны* (< *лыд'йас'кыны*) 'считать'; Фок. *уд'д'аны* (< *уд'йаны*) 'угощать спиртным; подавать спиртное'; Пол. Фок. *искал'л'ос* (< *искал'йос*) 'коровы'.

В среднечепецком и нижнечепецком диалектах в большей степени *й* подвергается ассимиляции после палатальных согласных, в позиции же после твердых согласных он может выступать с отступлениями и произноситься двояко: сч. нч. *пурт'йос* ~ *пурт'т'ос* 'ножи'; сч. нч. *луд'йос* ~ *луд'д'ос* 'поля'; сч. нч. *вал'йос* ~ *вал'л'ос* 'лошади'. Это свидетельствует о том, что в указанных диалектах процесс ассимиляции *й* предшествующими твердыми согласными не завершился.

В фольклорно-диалектологических материалах Ю. Вихманна, зафиксировавшего речь удмуртов среднечепецкого ареала в конце XIX в., нами выявлен лишь один пример ассимиляции *й* суффикса мн. числа предшествующим мягким согласным: *šuañños* [35. С. 8] 'участники свадьбы со стороны жениха'. Во всех остальных случаях не только перед твердым, но даже перед палатальным согласным уподобление *й* не наблюдается. Из этого можно предположить, что процесс ассимиляции *й* в нижнечепецком и среднечепецком диалектах начался не так давно и продолжает развиваться в настоящее время. Что касается уподобления *й* перед предыдущим твердым согласным – это явление более позднее, появившееся под влиянием форм, в которых *й* уподобляется конечному мягкому согласному основы.

Ассимиляция *й* предшествующему согласному характерна также для бесермянского наречия [32. С. 151; 21. С. 65–66], средневосточных говоров [6. С. 272], отдельных южных и периферийно-южных говоров, в частности, бавлинского [28. С. 122–125], шошминского, кукморского [18. С. 103–105]. Уподобление *й* предыдущим мягким согласным наблюдается и во многих коми-зырянских и коми-пермяцких диалектах [5. С. 53].

2.3.2. Ассимиляция по глухости и звонкости

Явления регрессивной ассимиляции по глухости в синхронном аспекте в северноудмуртских диалектах отмечаются в следующих случаях:

1) перед словоизменительным суффиксом *-тэк* каритива имен существительных и в деепричастиях, образованных при помощи суффикса *-тэк*: сев. *чаг* 'лучина' – *чактэк* 'без лучины'; сев. *курэг* 'курица' – *курэктэк* 'без курицы'; сев. *палэз* 'рябина' – *палэс'тэк* 'без рябины'; сев. *пыжыны* 'печь, запекать' – сев. *пыштэк* 'не запекая'; сев. *цогыны* 'отрубить, отсечь, отрезать' – сев. *цоктэк* 'не отрубая, не отсекая, не отрезая';

2) в прилагательных и других отыменных образованиях, выступающих с отрицательным аффиксом *-тэм*: сев. *уж* 'работа, дело' – *уштэм* 'безработный; гуляка'; сев. *виз* 'ум' – *вис'тэм* 'бестолковый, глупый; дурак';

3) перед суффиксом *-т-* глаголов понудительного залога: сев. *выдыны* 'ложиться; лечь' – *выттытыны* 'заставить (вынудить) лечь, ложиться'; сев. *тубыны* 'подняться' – *туптытыны* 'заставить (вынудить) подняться';

4) в ряде сложных слов, когда конечный звонкий согласный первого компонента под влиянием последующего начального глухого согласного второго компонента ассимилируется последнему: сев. *эмэс'пу* 'куст малины' – *эмэз* 'малина' и *пу* 'дерево'; сч.: *пыттыш* 'пятка' – *пыд* 'нога' и *тыш* 'тыльная часть, тупая сторона'.

Озвончение предшествующего глухого согласного под влиянием последующего звонкого согласного в основном наблюдается в прилагательных и наречиях с глухими конечными согласными основ перед суффиксами сравнительной степени *-гэс*, *-гэм*: сев. *пэрэс* 'старый; старик' – *пэрэз'гэс* ~ *пэрэз'гэм* 'более старый'; сч. нч. *зёк* 'большой; старший' – *зёггэс* ~ *зёггэм* 'больше; старше'; сев. *пёс* 'горячий, жаркий' – *пёз'гэс* ~ *пёз'гэм* 'более горячий, более жаркий'.

2.4. Нерегулярные фонетические явления

Кроме перечисленных выше фонетических явлений, в северноудмуртских диалектах имеются нерегулярные, охватывающие лишь небольшой круг слов и/или присущие только отдельным группам исследуемых диалектов. Рассмотрим некоторые из них.

1. В среднечепецком и нижнечепецком диалектах в речи диалектоносителей пожилого и преклонного возраста отмечается появление протетического звука *ў* перед вопросительной частицей *-а* 'ли', если слово оканчивается на гласный: сч. нч. *вэтти-ды-ўа?* 'ходили ли вы?'; сч. нч. *пото-ўа?* 'выйду ли?'; сч. нч. *тайэ-ўа?* 'это ли?'; сч. нч. *аскы-ўа?* 'завтра ли?'; сч. нч. *бас'тод н'и-ўа?* 'возьмешь ли уже?'. В настоящее время данная диалектная черта является неустойчивой, так как характеризуется нерегулярностью употребления даже в речи диалектоносителей старшего поколения.

Подобное явление отмечается в языке бесермян [32. С. 239] и среднечепецких удмуртов [10. С. 176; 12. С. 60]. Помимо этого, оно характерно для лолошур-возжинского куста граховских говоров (по сведениям М.Г. Атаманова – К. Л.). Мы полагаем, что в нижнечепецком и среднечепецком диалектах эта особенность возникла под влиянием языка бесермян.

2. В среднечепецком, нижнечепецком диалектах, в кезском говоре верхнечепецкого диалекта, также в северной части собственно дебёсского говора (тольёнский, турнесский кусты) составные звуки аффрикаты *ч* (*т'с'*) в звукосочетании *тч*, встречающегося в нескольких наречиях, под влиянием твердого согласного *т* веляризируются и образуют звук *тс*, близкий русскому *ц*: сч. нч. вч.: кез. деб. (Бер. Тол. Турн. УЛем) *таццы* (ср. лит. *татчы* [*таччы*]) 'сюда'; сч. нч. вч.: кез. деб. (Бер. Тол. Турн. УЛем) *оццы* (ср. лит. *отчы* [*оччы*]) 'туда'; сч. нч. вч.: кез. деб. (Бер. Тол. Турн. УЛем) *кыццы* (ср. лит. *кытчы* [*кыччы*]) 'куда'. Данная особенность имеет место в завятских, некоторых срединных и южных говорах, в частности, в речи удмуртов Завьяловского, Малопургинского, частично Алнашского р-нов, в говорах д. Байтуганово Граховского р-на, д. Удмуртский Сарамак Кизнерского р-на.

В отличие от этого, в зуринском говоре и большей части дебёсского говора (котековский, сюротвайский, такагуртский, тыловайский кусты) верхнечепецкого диалекта согласный *т* под влиянием мягкой аффрикаты *ч*, наоборот, смягчается и ассимилируется последнему, образуя двойной *ч*: зур. деб. (Котег. НТыл. Нюр. СКыч. Сюр. Так. Тыл.) *таччы*, деб. (Ар. ЗМед. Лес.) *таццы* ~ *таччы* (ср. лит. *татчы* [*таччы*]) 'сюда'; зур. деб. (Котег. НТыл. Нюр. СКыч. Сюр. Так. Тыл.) *оччы*, деб. (Ар. ЗМед. Лес.) *оццы* ~ *оччы* (ср. лит. *отчы* [*оччы*]) 'туда'; зур. деб. (Котег. НТыл. Нюр. СКыч. Сюр. Так. Тыл.) *кыччы*,

деб. (Ар. ЗМед. Лес.) *кыццы* ~ *кыччы* (ср. лит. *кытчы* [*кыччы*]) ‘куда’. Подобное употребление указанных слов имеет место в смежных средневожских и северо-западных срединных говорах.

3. Аналогичное явление обнаруживается в глагольных формах со звуко сочетанием *тч*, но в этом случае наблюдается веларизация звуков аффрикаты *ч* только в нижнечепецком диалекте и ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта, а в верхнечепецком диалекте, также в глазовском и балезинском говорах среднечепецкого диалекта происходит регрессивная ассимиляция и произношение совпадает с литературным вариантом: нч. *тэцца* ‘прыгает, скачет’, сч.: яр. юк. *тэцца* // вч. сч.: гл. бал. *тэчча* (ср. лит. *тэтча* [*тэчча*]) ‘прыгает, скачет; пляшет’; нч. сч.: яр. юк. *куцца* // вч. сч.: гл. бал. *кучча* (ср. лит. *кутча* [*кучча*]) ‘обувает’.

4. В нижнечепецком диалекте, также в ярском и юкаменском говорах среднечепецкого диалекта в буквосочетании *дž*, встречающемся в небольшом количестве глагольных форм, аффриката *ž* после звонкого смычного согласного *д* переходит во фрикативный *з*, т. е. происходит веларизация аффрикаты: нч. сч.: яр. юк. *адзэ* (ср. лит. *адже* [*аžэ*]) ‘видит’; нч. сч.: яр. юк. *кудзо* (ср. лит. *кудžo* [*куžзо*]) ‘опьянею’; нч. сч.: яр. юк. *курадзиз* (ср. лит. *курадžиз* [*кураžиз*]) ‘(он) мучался, страдал’; нч.: сл. *мэдзас’кыны* (ср. *мэдзас’кыны* [*мэžзас’кыны*]) ‘наняться, наниматься’. В отличие от этого, в верхнечепецком диалекте, также в глазовском и балезинском говорах среднечепецкого диалекта, как и в большинстве удмуртских диалектов, в сочетании *дž* происходит полная регрессивная ассимиляция по месту и способу образования: вч. сч.: гл. бал. *аžэ* (< *адžэ*) ‘видит’; вч. сч.: гл. бал. *куžзо* (< *кудžзо*) ‘(я) опьянею; пьянеют’; вч. сч.: гл. бал. *кураžиз* (< *курадžиз*) ‘(он) мучался, страдал’.

В нижнечепецких говорах подобный процесс наблюдается также в некоторых словах в сочетании *лž*, где инлаутная палатальная аффриката *ž* подвергается деаффрикатизации и замещается фрикативным *з*: нч. *лулзыны* // сч. вч. *лулзыны* ‘вздыхнуть; перевести дыхание’; нч. *гылзыны* // сч. вч. *гылзыны* ‘скользить’; нч. *улзытыны* // сч. вч. *улзытыны* ‘оживить’; нч. *колзо* // сч. вч. *колžo* ‘тесто’.

5. Для косинского говора нижнечепецкого диалекта характерно упрощение инлаутного сочетания согласных типа *-рСС* (> *-рС-*), например: кос. *кэртныны* (< *кэрттыныны*) ‘вязать’; кос. *мэртныны* (< *мэрттыныны*) ‘садить, посадить’; кос. *йуртыны* (< *йурттыныны*) ‘помочь, помогать, оказывать помощь’; кос. *быртыны* (< *бырттыныны*) ‘засунуть, затолкать’; кос. *сэртныны* (< *сэрттыныны*) ‘развязать, распутать; разобрать’; кос. *вэртаны* (< *вэрттаныны*) ‘качать (в колыбели)’; кос. *урчыны*, (Сиб.) *урчины* (< *уртчыныны*) ‘литься через край, бежать (при кипении)’; кос. (Сиб.) *урлы* (< *урдлыны*) ‘ребро’.

Данная черта не присуща другим северноудмуртским диалектам, но она наблюдается в некоторых южных говорах, в частности, в кукморском, шошминском [18. С. 108-109], отчасти красноуфимском [25. С. 1978: 121, 122, 131, 136, 143, 149], также в бесермянском наречии [32. С. 161; 18. С. 108-109; 21. С. 64-65]. Вполне возможно, что явление упрощения инлаутного сочетания согласных может представлять в указанных диалектах сохранение древних черт удмуртского языка или вызвано взаимовлиянием одного диалекта с другим в результате миграции их носителей.

6. Специфику косинского говора нижнечепецкого диалекта составляет спорадическое употребление *в* вместо неслогового *ў* после *к* в позиции перед гласными *а* и *и*: кос. *кват’* (< *кўат’*) ‘шесть’; кос. *квамын* (< *кўамын*) ‘тридцать’; кос. *квара* (< *кўара*) ‘звук, голос’; кос. *квин’* (< *кўин’*) ‘три’. В прошлом это явление в нижнечепецком ареале, по-видимому, имело более широкое распространение. В частности, оно отмечалось и в слободском говоре, о чем свидетельствуют материалы Т.И. Тепляшиной [31. С. 163]. В современном слободском говоре, согласно нашим полевым данным, после глухого согласного *к* перед гласными *а* и *и* систематически выступает неслоговой *ў*, например: сл. *кўат’* ‘шесть’; сл. *кўара* ‘звук, голос’; сл. *кўин’* ‘три’.

Спорадически данное явление встречается также в речи некоторой части носителей дебёсского говора, в основном людей пожилого возраста. Из других удмуртских диалектов оно зафиксировано в отдельных срединных говорах [18. С. 85].

7. В функционировании аффрикат некоторую специфику проявляет дебёсский говор верхнечепецкого диалекта. В частности, в тыловайском подговоре как остаточное явление в речи диалектоносителей старшего возраста отмечается спорадическое произношение первичных аффрикат *ž* и *ль* в ин-и ауслаутной позициях, которые в говорах северной и центральной части Дебёсского р-на (собственно дебёсский подговор), как и в других северноудмуртских диалектах, заменились соответствующими щелевыми согласными *з’* и *ж*, например: тыл. (НТыл. СКыч. Так. Тыл.) *таžы* ~ *таз’(ы)* // соб.деб. (Ар. Бер. Котег. Сюр. Тур. ЗМед.) сч. вч.: кез. нч. *таз’(ы)* ‘так, таким образом’; тыл. (НТыл. СКыч. Так. Тыл.) *кыžы* ~ *кыз’ы* // соб.деб. (Ар. Бер. Котег. Сюр. Турн. ЗМед.) сч. вч.: кез. нч. *кыз’ы* ‘как, каким образом’; тыл. (НТыл. СКыч. Так. Тыл.) *бэриž* ~ *бэриз’* // соб.деб. (Ар. Бер. Котег. Сюр.

Турн. ЗМед.) сч. вч.: кез. нч. *бэриз'* 'липа'; тыл. (НТыл. СКыч. Так. Тыл.) *толиз' ~ толиз'* // соб.деб. (Ар. Бер. Котег. Сюр. Турн. ЗМед.) сч. вч.: кез. нч. *толиз'* 'месяц; луна'; тыл. (НТыл. СКыч. Так. Тыл.) *уль ~ уж* // соб.деб. (Ар. Бер. Котег. Сюр. Турн. ЗМед.) сч. вч.: кез. нч. *уж* 'работа'; тыл. (НТыл. СКыч. Так. Тыл.) *вылы ~ выжы* // соб.деб. (Ар. Бер. Котег. Сюр. Турн. ЗМед.) сч. вч.: кез. нч. *выжы* 'корень' и др. Отметим, что аффрикативное произношение подобных слов характерно для смежных средневосточных говоров [7. С. 14] и большинства срединных говоров.

8. В слободском говоре нижнечепецкого диалекта наблюдаются единичные случаи выпадения начального *й*: сл. *эгит* (< *йэгит*) 'молодой'; сл. *эгит'т'ос* (< *йэгит'т'ос*) 'молодежь; парни'; сл. *этин* (< *йэтин*) 'лён'. В косинском говоре, как и в верхнечепецком диалекте, в указанных лексемах первичный *й* сохраняется. В отличие от этого, в ареале распространения среднечепецкого диалекта отмечается смешанное употребление этих форм: *эгит ~ йэгит* 'молодой', *эгит'т'ос ~ йэгит'т'ос* 'молодежь; парни', *этин ~ йэтин* 'лён'.

9. Носителям нижнечепецкого диалекта свойственно произношение в русских заимствованиях твердой аффрикаты *ч* на месте палатального *ч* других удмуртских диалектов: нч. *участок* < рус. *участок*; нч. *чай* < рус. *чай*; нч. *начал'ник* < рус. *начальник*; нч. *час* < рус. *час*; нч. *чут'* < рус. *чуть*; нч. *внуика* < рус. *внука*; нч. *четы'рэ* < рус. *четыре*; нч. *чан* < рус. *чан*; нч. *чэмодан* < рус. *чемодан*; нч. *ча-га* < рус. *чага*; нч. *пэчат'* < рус. *печать*; нч. *чэрэпа-ха* < рус. *черепаха* и др. Употребление в указанном диалекте велярной аффрикаты *ч* вместо мягкой *ч* объясняется особенностями воздействия местных русских говоров. В севернорусских говорах, как отмечают исследователи, типичным является произношение твердого *ч* [13. С. 35; 26. С. 39]. Аналогичное явление отмечается в детских говорах лузско-летского диалекта, удорском и ижемском диалектах коми-зырянского языка [27. С. 19].

На основе вышеприведенного анализа можно заключить, что наряду с особенностями, объединяющими северные диалекты между собой, каждый из них по отношению друг к другу обнаруживает ряд специфических явлений. Из обследованных трех северных диалектов по языковым признакам в области консонантизма наиболее близки между собой среднечепецкий и нижнечепецкий диалекты. Наличие комплекса общих черт в указанных диалектах объясняется, прежде всего, общностью этногенетических и исторических процессов в регионе, также определенным влиянием на эти диалекты языка бесермян.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Языки и диалекты:

бал. – бalezинский говор среднечепецкого диалекта, вч. – верхнечепецкий диалект (верхнечепецкие говоры) северного наречия удмуртского языка, гл. – глазовский говор среднечепецкого диалекта, деб. – дебёсский говор верхнечепецкого диалекта, кез. – кезский говор верхнечепецкого диалекта, кос. – косинский говор нижнечепецкого диалекта удмуртского языка, лит. – удмуртский литературный язык, нч. – нижнечепецкий диалект (нижнечепецкие говоры) северного наречия, рус. – русский язык, сев. – северное наречие удмуртского языка, сл. – слободской говор нижнечепецкого диалекта, соб.деб. – собственно дебёсский подговор дебёсского говора верхнечепецкого диалекта, сч. – среднечепецкий диалект (среднечепецкие говоры) северного наречия удмуртского языка, тыл. – тыловайский подговор дебёсского говора верхнечепецкого диалекта, юк. – юкаменский говор среднечепецкого диалекта, яр. – ярский говор среднечепецкого диалекта;

2. Населенные пункты:

дебёсский говор верхнечепецкого диалекта: Ар. – д. Ариково, Бер. – д. Березовка, ЗМед. – д. Заречная Медля, Котег. – д. Котегурт, Лес. – д. Лесагурт, НТыл. – д. Нижний Тыловый, Нюр. – д. Нюровай, СКыч. – д. Старый Кыч, Сюр. – д. Сюровай, Так. – д. Такашур, Тол. – д. Тольён, Турн. – д. Турнес, Тыл. – с. Тыловый, УЛем – д. Удмуртский Лем; кезский говор верхнечепецкого диалекта: Пол. – с. Полон, Уд. – д. Уди, Фок. – д. Фокай, Юр. – д. Юрук; косинский говор нижнечепецкого диалекта: Сиб. – д. Сибирь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алашеева А.А. Общие (северноудмуртские) и частные (местные) особенности в фонетике верхнечепецкого говора удмуртского языка // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М.: Наука, 1990. Т. 2: Языкознание. С. 8-10.
2. Архипов Г.А. Среднеюринский говор I // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 5-44.

3. Атаманов М.Г. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы. Ижевск, 1981. С. 45-96.
4. Атаманов М.Г. Песни и сказы ушедших эпох. Ижевск: Удмуртия, 2005. 248 с.
5. Баталова Р.М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
6. Бушмакин С.К. Ассимиляция в средневосточных говорах удмуртского языка // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1968. IV (4). С. 269-283.
7. Бушмакин С.К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск; М., 1971. 397 + 350 с.
8. Вахрушев В.М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки. Ижевск, 1959. Вып. 19. С. 228-241.
9. Загуляева Б.Ш. Говоры дд. Муважи и Чумали // Материалы по удмуртской диалектологии: образцы речи. Ижевск, 1981. С. 126-136.
10. Карпова Л.Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.
11. Карпова Л.Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка: Образцы речи. Ижевск, 2005. 581 с.
12. Карпова Л.Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. 600 с.
13. Касаткин Л.Л. Консонантизм слободских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 2008. III (9). С. 5-50.
14. Кельмаков В.К. Кукморский диалект удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 24 с.
15. Кельмаков В.К. Краткая характеристика кырыкмасских говоров южноудмуртского наречия. I // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 26-61.
16. Кельмаков В.К. К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян // Вопросы диалектологии тюркских языков. Уфа, 1985. С. 114-122.
17. Кельмаков В.К. Еще раз к вопросу о губно-губном сонанте в удмуртских диалектах // Пермистика 4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. С. 52-75.
18. Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография: учеб. пособие для вузов. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.
19. Кириллова Л.Е., Титова О.В. Фонетические особенности речи кильмезских удмуртов Кировской области // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2016. Т. 10. Вып. 3. С. 17-29.
20. Лыткин В.И. Исторический вокализм пермских языков. М.: Наука, 1964. 270 с.
21. Люкина Н.М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016. 200 с.
22. Максимов С.А. Комментарий к картам «Коза», «Козел», «Заяц» // Насибуллин Р.Ш., Максимов С.А., Семенов В.Г., Отставнова Г.В. Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2014. Вып. IV. С. 181-191.
23. Насибуллин Р.Ш. Закамские говоры удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 202 + 339 с.
24. Насибуллин Р.Ш. Закамские говоры удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 22 с.
25. Насибуллин Р.Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86-151.
26. Пшеничнова Н.Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М.: Изд. центр «Азбуковник», 2008. 220 с.
27. Сорвачева В.А., Безносилова Л.М. Удорский диалект коми языка. М., 1990. 283 с.
28. Тараканов И.В. Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) // Труды. Таллинн, 1960. Т. 8. С. 117-153.
29. Тараканов И.В. К вопросу истории развития неслогового *ʏ* в удмуртском языке // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. Москва; Ленинград, 1964. С. 75-82.
30. Тараканов И.В. О некоторых фонетических особенностях бавлинского диалекта удмуртского языка // Тараканов И.В. Исследования и размышления об удмуртском языке. Ижевск: Удмуртия, 1998. С. 8-28.
31. Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Ижевск, 1970. Вып. 21. Филология. С. 156-196.
32. Тепляшина Т.И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970а. 288 с.
33. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D.R. Fuchs. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.
34. Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65).
35. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (= JSFOu 11).

Карпова Людмила Леонидовна, доктор философии, старший научный сотрудник
 ФГБУН «Удмуртский федеральный исследовательский центр
 Уральского отделения Российской академии наук»
 426067, Россия, г. Ижевск, ул. Т. Барамзиной, 34
 ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
 426034, Россия, Ижевск, Университетская, 1 (корп. 2)
 E-mail: karpovalud@rambler.ru

L.L. Karpova

ON SOME FEATURES OF CONSONANTISM IN THE NORTHERN DIALECTS OF THE UDMURT LANGUAGE

The article aims to study some phenomena of phonetic syntagmatics in the Northern dialects of the Udmurt language. Special attention is paid to peculiarities which characterize some Northern Udmurt dialects and/or have a limited distribution among the analyzed dialects. The study also considers distinctive features in the consonant systems, analyzes most typical sound changes and processes in the subdialects, and highlights voicing, palatalization, different types of assimilation processes in the consonant systems, sound elimination, affricatization, etc. The author also establishes territories where the dialectal modifications of the phonetic syntagmatics are widespread. Language phenomena of the Northern Udmurt dialects are compared with analogous phenomena of other Udmurt dialects. The obtained results demonstrate that the Middle Cheptsá dialect and the Lower Cheptsá dialect show greatest similarities in their consonant systems.

Keywords: Udmurt language, dialectal phonetics, Northern dialects, phonetic syntagmatics, consonants, dialectal modifications.

REFERENCES

1. Alasheeva A.A. Obshchie (severnoudmurtские) i chastnye (mestnye) osobennosti v fonetike verkhnechepetsкого говора удмуртского языка [Common (Northern Udmurt) and unique (local) features in the phonetics of the Upper Cheptsá subdialect of the Udmurt language] // Materialy VI Mezhdunarodnogo kongressa finno-ugrovedov [Proceedings of the 6th International Finno-Ugric congress]. Moscow: Nauka Publ., 1990. Vol. 2: Linguistics. P. 8-10. (In Russian).
2. Arkhipov G.A. Sredneyurinskii govor I [Srednie Yuri subdialect 1] // Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. P. 5-44. (In Russian).
3. Atamanov M.G. Grakhovskie govory yuzhnoudmurtского narechiya [Grakhovsky subdialects of the Southern Udmurt dialect] // Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. P. 45-96. (In Russian).
4. Atamanov M.G. Pesni i skazy ushedshikh epokh [Songs and tales of past ages]. Izhevsk: Udmurtiya, 2005. 248 p. (In Russian).
5. Batalova R.M. Komi-permyatskaya dialektologiya [Komi-Permyak dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p.
6. Bushmakín S.K. Assimilyatsiya v srednevostochnykh govorakh udmurtского языка [Assimilation in the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language] // Sovetskoe finno-ugrovedenie [Soviet Finno-Ugric studies]. Tallinn, 1968. IV (4). P. 269-283. (In Russian).
7. Bushmakín S.K. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtского языка [Phonetic and morphological characteristics of the Middle-Eastern subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [diss. ... cand. philol. sciences]. Izhevsk; Moscow, 1971. 397 + 350 p. (In Russian).
8. Vakhrushev V.M. Ob osobennostyakh govorov severnogo dialekta udmurtского языка [On characteristics of subdialects of the Northern Udmurt dialect] // Zapiski [Proceedings]. Izhevsk, 1959. Issue 19. P. 228-241. (In Russian).
9. Zagulyaeva B.Sh. Govory dd. Muvazhi i Chumali [Subdialects of the villages of Muvazhi and Chumali] // Materialy po udmurtskoi dialektologii: obraztsy rechi [Papers on Udmurt dialectology: speech samples]. Izhevsk, 1981. P. 126-136. (In Russian).
10. Karpova L.[L.] Fonetika i morfologiya srednechepetsкого dialekta udmurtского языка [Phonetics and morphology of the Middle Cheptsá dialect of the Udmurt language]. Tartu, 1997. 224 p. (In Russian).
11. Karpova L.L. Srednechepetskii dialect udmurtского языка: Obraztsy rechi [The Middle Cheptsá dialect of the Udmurt language: Speech samples]. Izhevsk, 2005. 581 p. (In Russian).
12. Karpova L.L. Leksika severnogo narechiya udmurtского языка: Srednechepetskii dialect [The lexicon of the Northern dialect of the Udmurt language: Middle Cheptsá dialect]. Izhevsk, 2013. 600 p. (In Russian).
13. Kasatkin L.L. Konsonantizm slobodskikh govorov [Consonantism of Slobodskoy subdialects] // Materialy i isledovaniya po russkoi dialektologii [Studies on Russian dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 2008. III (9). P. 5-50. (In Russian).
14. Kel'makov V.K. Kukmorskii dialect udmurtского языка [Kukmor dialect of the Udmurt language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Moscow, 1970. 24 p. (In Russian).

15. Kel'makov V.K. Kratkaya kharakteristika kyrykmasskikh govorov yuzhnoudmurt'skogo narechiya. I [Brief description of Kyrykmas subdialects of the Southern Udmurt dialect] // *Voprosy udmurt'skoi dialektologii* [Issues of Udmurt dialectology]. Izhevsk, 1977. P. 26-61. (In Russian).
16. Kel'makov V.K. K voprosu o bulgarskom substrate v yazyke besermyan [On the problem of Bulgar substrate in the Besermyan language] // *Voprosy dialektologii tyurkskikh yazykov* [Issues of dialectology of Turkic languages]. Ufa, 1985. P. 114-122. (In Russian).
17. Kel'makov V.K. Eshche raz k voprosu o gubno-gubnom sonante v udmurt'skikh dialektakh [Once more about a bilabial sonant in the Udmurt dialects] // *Permistika 4: Permskie yazyki i ikh dialekty v sinkhronii i diakhronii* [Permistika 4: Permic languages and their dialects in synchrony and diachrony]. Izhevsk, 1997. P. 52-75. (In Russian).
18. Kel'makov V.K. Kratkii kurs udmurt'skoi dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya [A short course on Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialectal texts. References]. Izhevsk: Udm. Univ. Publ., 1998. 386 p. (In Russian).
19. Kirillova L.E., Titova O.V. Foneticheskie osobennosti rechi kil'mez'skikh udmurtov Kirovskoi oblasti [Phonetic features in the speech of Kilmez Udmurts living in Kirov Oblast] // *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric studies]. Izhevsk, 2016. Vol. 10. Issue 3. P. 17-29. (In Russian).
20. Lytkin V.I. Istoricheskiy vokalizm permskikh yazykov [Historical vocalism of Permic languages]. Moscow: Nauka Publ., 1964. 270 p. (In Russian).
21. Lyukina N.M. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan [Phonetic and morphological features in the language of the Lekma and Yunda Besermyans]. Izhevsk, 2016. 200 p. (In Russian).
22. Maksimov S.A. Kommentarii k kartam «Koza», «Kozel», «Zayats» [Comments on the maps "Nanny goat", "Goat", and "Hare"] // Nasibullin R.Sh., Maksimov S.A., Semenov V.G., Otstavnova G.V. *Dialektologicheskii atlas udmurt'skogo yazyka: Karty i kommentarii* [Dialect atlas of the Udmurt language]. Izhevsk: NITS «Regulyarnaya i khaoticheskaya dinamika», 2014. Issue IV. P. 181-191. (In Russian).
23. Nasibullin P.Sh. Zakamskie govory udmurt'skogo yazyka [Zakamsky subdialects of the Udmurt language]: dis. ... kand. filol. nauk [diss. ... cand. philol. sciences]. Moscow, 1972. 202 + 339 p. (In Russian).
24. Nasibullin R.Sh. Zakamskie govory udmurt'skogo yazyka [Zakamsky subdialects of the Udmurt language]: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [abstract ... cand. philol. sciences]. Tartu, 1973. 22 p. (In Russian).
25. Nasibullin P.Sh. Nablyudeniya nad yazykom krasnoufimskikh udmurtov [Observations on the language of Krasnoufimsk Udmurts] // O dialektakh i govorakh yuzhnoudmurt'skogo narechiya [On dialects and subdialects of the Southern Udmurt dialect]. Izhevsk, 1978. P. 86-151. (In Russian).
26. Pshenichnova N.N. Lingvisticheskaya geografiya (po materialam russkikh govorov) [Linguistic geography (a case study of Russian subdialects)]. Moscow: Izd. tsentr «Azbukovnik» Publ., 2008. 220 p. (In Russian).
27. Sorvacheva V.A., Beznosikova L.M. Udorskii dialekt komi yazyka [Udor dialect of the Komi language]. Moscow, 1990. 283 p. (In Russian).
28. Tarakanov I.V. Nekotorye yavleniya assilyatsii, elizii i vstavki zvukov v udmurt'skom yazyke (na materiale bavlinskogo dialekta) [Some phenomena of assimilation, elision and anaptyxis in the Udmurt language (a case study of Bavlinsky dialect)] // *Trudy* [Proceedings]. Tallinn, 1960. Vol. 8. P. 117-153. (In Russian).
29. Tarakanov I.V. K voprosu istorii razvitiya neslogovogo y v udmurt'skom yazyke [On the history of non-syllabic y in the Udmurt language] // *Voprosy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Grammatika i leksikologiya* [Issues of the Finno-Ugric linguistics: Grammar and lexicology]. Moscow; Leningrad, 1964. P. 75-82. (In Russian).
30. Tarakanov I.V. O nekotorykh foneticheskikh osobennostyakh bavlinskogo dialekta udmurt'skogo yazyka [On some phonetic characteristics of Bavlinsky dialect of the Udmurt language] // *Tarakanov I. V. Issledovaniya i razmyshleniya ob udmurt'skom yazyke* [Studies and reflections on the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurtiya Publ., 1998. P. 8-28. (In Russian).
31. Teplyashina T.I. Nizhnechepetskie govory severnoudmurt'skogo narechiya [The Lower Cheptsu subdialects of the Northern Udmurt dialect] // *Zapiski* [Proceedings]. Izhevsk, 1970. Issue 21. Philology. P. 156-196. (In Russian).
32. Teplyashina T.I. Yazyk besermyan [The Besermyan language]. Moscow: Nauka Publ., 1970a. 288 p. (In Russian).
33. Munkácsi B. Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Herausgegeben von D.R. Fuchs. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S. (In German).
34. Uotila T.E. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 1933. 446 S. (= MSFOu 65). (In German).
35. Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. Helsingfors, 1893. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. XX + 200 S. (= JSFOu 11). (In German).

Received 10.08.2018

Karpova L.L., PhD, Senior Research Associate
 Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
 T. Baramzinoy st., 34, Izhevsk, Russia, 426067
 Udmurt State University
 Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034
 E-mail: karpovalud@rambler.ru